

10.99

Леонид МАРЯГИН

Иду на

Народный артист России, кинорежиссер Леонид Марягин работает над новой книгой «Иду на Вы». Мы публикуем главы из этой книги.

Корни

— Расскази, рассказы, бродяга,
Чей ты родом, откуда ты?
— Ой да, я не помню,
Ой да, я не знаю...

Как эта песня похожа на автобиографии прошлых лет. Но, как теперь выясняется, память, а то и фантазия многих, хранила такие подробности родословных, что и понятием «закачаешься» не передать: одни от Рюриковичей себя числят, другие от Далай-ламы, третьи имеют не дворянские — это уже обыденно, — а боярские корни. И диву даешься, как мимо такого количества знати прошли мор и террор. Или дело в ЧК было поставлено плохо, или поставлено совсем не так, как нынче преподносят. Но не моя задача выяснять отношение органов к чужим родословным, мне бы попробовать покопаться в своей — авось обнаружится что-то нестандартное.

Начнем с деда по отцовской линии, которого я в глаза не видал, поскольку умер он за десять лет до моего рождения, и не от ненависти к Советской власти, хотя и не любил ее, а от, как тогда говорили, удара в Донбассе на станции Краматорская, на улице, что была «на горнице», (то есть по-русски — на горе, на холме), в своем кирпичном доме. А начал дед Александр Осипович Марягин свое путешествие по жизни в деревне Аньково Владимирской губернии, что в восьмидесяти верстах от железной дороги. Ее населяли две фамилии — Аньковы и Марягины. Какая из них была многочисленней — я не знаю, но с тех пор как мое имя замелькало в титрах на телевидении, стал получать письма от Марягиных в количествах, позволяющих считать, что их — не меньше, чем Аньковых.

Откуда ведет начало фамилия Марягины, дознался мой отец — он откопал в старославянском слове «маре», что означает засохшее болото. Владимирская губерния — земля, обильная болотами, бывает, что и засохшими, так что — болотный я человек.

Единственная родственница из аньковских Марягиных, которую я видел своими глазами, была двоюродная или троюродная сестра моего отца Тамара, поразительно похожая на него. Она наезжала к моей маме из Иванова (после революции Владимирская губерния разделилась на Владимирскую и Ивановскую области — Аньково оказалось в Ивановской) и рассказывала, что ее сын попал в тюрьму за кражу велосипеда с балкона.

Однако вернемся к деду. Александр, тогда еще мальчик Саша, учился в церковно-приходской школе «с похвалами», как утверждали в письмах его древние родственницы, и был замечен помещиком Энгельгартом, создававшим в то время крестьянскую академию. Академия — красиво звучало. Как сейчас. Что ни заведение — то академия. Даже я, по случаю, академик «Ники». Но крестьянская академия — это, по сути, училище фермеров или управляющих именьями. И дед Саша, отобранный в академию, с отличием ее окончил. Преуспел в сыроварении, квасоварении, садоводстве и цветоводстве и был оставлен Энгельгартом при своем поместье. С тех пор, по словам древних родственниц, об Александре в Анькове ничего не слышали — ушел и обрубил концы. Все дальнейшее о деде я знаю со слов отца и моей бабушки — Ульяны Никифоровны Бережной. Дед, охорашивая клумбы и газоны в саду Энгельгарта, пел: «Ты и стар, ты и сед, ей с тобой не житье, на заре юных лет ты погубишь ее». Ничего предосудительного в этой песне не было, если бы не очень молодая жена хозяина. Дед был вызван в контору, ему вручили заработан-

ное, и на этом карьера садовника закончилась. Начались скитания по матушке Руси — от имения до имения, где он был управляющим, но служба везде резко обрывалась: нрав у Александра обнаружился крутым, горячим, да и желание чарку пропустить оказывалось сильным. Докатился он до звания матроса торгового флота на Волге и после этой службы с тремя рублями в кармане (сумма по тем временам не самая малая) оказался на станции Краматорская в трактире.

В тот самый момент разразилась русско-японская кампания — на станции узнали о войне с японцем от пассажиров классного вагона. Дед сориентировался мгновенно — пошел к станционному пакагаузу и у приказчика, торговавшего оптом китайским чаем, купил за три рубля все карты Китая и Манчжурии, а было их немало: «каждый фунт чая в коробке обертывался картой. Дальнейшее вообразить несложно — дед вышел к скорому поезду и каждую карту, по которой можно было следить за военными действиями, продал за тройку. Через два скорых поезда он стал богатым.

Место удачи — Краматорская — приглянулось ему. Поначалу состоялась купля деревянного дома. Приспела пора открывать собственное дело. Дед прикинул, что его умение варить квас в этом населенном пункте пригодится. Но одному производство не осилить. Нужна помощница — жена. Начались поиски работящей жены и, как нынче говорят, без претензий. Выбор пал на сироту, батрачку родом из Казацкого Изюма Ульяну, главной достопримечательностью которой был отъеденный в детстве свиной ноготь на правом большом пальце руки. Свадьба состоялась, и дело двинулось с места. Дед варил квас разных и своеобразных сортов, бабушка разливала его по бутылкам и мыла тару. Прошла пара месяцев — дед стал монополистом по квасу в Краматорской. А через полтора года на почве этих деловых успехов появился на свет мой отец, Георгий Александрович Марягин.

Но отцовство не утихомирило характера деда. Наезжая на ярмарку в Мариуполь, он часто скандалил с тамошним приставом, оказывался в частке и вызволять его оттуда спешила Ульяна.

С бабой Улей мне пришлось сосуществовать пару десятилетий. После появления меня на свет отец привлек ее к воспитанию внука, и бабушка переехала из Краматорской в Орехово-Зуево. Воспитание Ульяна Никифоровна понимала своеобразно: непременно разувала со мной песню про Сагайдачного, «шо променял жинку на тютюн тай люльку, тай нейвдачно», и обязательно кормила меня черным хлебом с крупной солью в тайне от моей мамы. Но я проговаривался, и возник домашний скандал. Впрочем, скандалы возникали и на межнациональной почве — казачка не могла смириться, что ее сын, мой отец, женился на еврейке. Как только моя мама заболела, бабушка изрекала: «Ера! (так она звала моего отца) Я тебе говорила — не женись на еврейке. Они очень любят болеть!»

Тут самое время перейти к корням по маминной линии.

Дед Яша по фамилии Минкин обосновался в Луганской губернии в селе Ивановка, что на самой границе с Войском Донскими. Чем диктовалось столь неудобное соседство — евреям в ночное время находиться на территории Войска Донского запрещалось? Разгадка находилась рядом: дед — совладелец шахты на землях Войска Донского, днем приезжал в шарабане на «свое дело», а ночью, когда возникла необходимость, оставался в доме урядника, который за рубль скрывал и охранял неположеного еврея. Шахтой «дело» деда называлось условно, это, скорее, была угольная копь — без привычных глазу копра и террикона. Да и работала она только летом — на работки в Донбасс приходили из Поволжья в основном татары. Поэтому вторым совладельцем шахты являлся татарин, умевший быстро находить язык со своими сопле-

менниками. Какой бы утлой ни была шахтенка, семью деда Яши она кормила: на шестерых сыновей хватало. Не зря коммивояжер фирмы Зингер Минкин многие годы колесил по Украине и Белоруссии, продавая швейные машинки и откладывая деньги. Труды и заботы оправдывались. А тут еще Господь принес радость, в 1906 году родилась долгожданная дочь. Назвали ее Ревекка, что значит счастливая. Не знаю, как насчет счастья, но красотой природа наделила — это точно. Фотографии тому свидетельства. Пора взросления моей мамы совпала со строительством социализма, не могло быть и речи о поступлении в институт, капиталы папы Минкина испарились, нужно было зарабатывать на жизнь и, окончив курсы stenography и машинописи в Ростове, она поступила машинисткой в трест «Артем-уголь», что в городе Артемовске. И вот там ее высмотрел молодой писатель и журналист Георгий Александрович Марягин. Возник роман, Георгий предложил руку и сердце, Рива повезла жениха знакомить с родителями.

Бывший шахтовладелец встретил их, облаченный в сюртук, в камиллавке, с расчесанной надвое пахучей бородой. Его жена Соня тоже вышла в праздничном, но дождалась чуть сзади супруга. Глава семьи предложил жениху пройти побеседовать в соседнюю комнату. Беседа продолжалась около трех часов. Ревекка и ее мама нервно вслушивались в тишину за дверью, уходили на кухню готовить обед и снова возвращались послушать. Наконец из двери появился улыбающийся Яков Минкин и, поцеловав дочь, сказал: «Рива, выходи за этого парня — он правдивый еврей!» «Он — русский» — уточнила Ревекка, и бывший шахтовладелец надолго замолчал.

Так обмишуриться помогли ему эрудация отца и цвет волос. Брюнетом отец был от рождения, а эрудация накапливалась с возрастом. Дед Саша, когда бы ни отлучался со станции Краматорская, возвращался домой с хорошими книгами для сына. Георгий пристрастился к чтению, да так, что в гражданскую войну, когда приток книг оборвался, ходил в белогвардейский бронепоезд, стоявший на путях, был допущен и пользовался офицерской библиотекой. А уж «Тору», о которой говорили будущий тесть с будущим зятем, Георгий знал почти наизусть!

Пришедший в себя Яков Минкин вечером того же дня мужественно благословил дочь на брак с иноверцем. В результате этой нестандартной акции через несколько лет возник я.

Перед самой войной меня повезли в Донбасс знакомить с бабушкой Соней. Я помню душную белую хатку в поселке Красный Луч, седую улыбающуюся старуху, склонившуюся надо мной и протянувшую какой-то блестящий шарик. «Лихте кирпоне» — шептали ее губы. До сих пор я не могу добиться у людей знающих еврейский, что это значило.

Через несколько месяцев бабушки Сони не стало — оккупанты сбросили ее в шахтный шурф. Вот такие корни в родной земле...

Порог «Мосфильма»

— Завтра утром выходи на работу. Ассистентка встретит тебя на проходной, закончил телефонный разговор Михаил Ильич Ромм.

Ровно в девять я был на проходной «Мосфильма» со стороны Мосфильмовской улицы. Впрочем, никаких других проходных тогда не было — сразу за Довженковским садом — Александр Петрович был перед войной инициатором его развития — тропинка поднималась на Воробьевы горы и круто спускалась к Москва-реке. По этой стезе, как я узнал позже, минуя дырявый дощатый забор, в обеденный перерыв бегала на реку купаться и загорать.

Существовавшая проходная напоминала парковые предвоенные строения — эдакий «Корбюзье» из вагонок. В ее пустом зальчике я и ждал ассистентку, нервно переминаясь с ноги на ногу и вытирая о штаны потные руки. После часового ожидания вахтерша из-за вращающегося турникета спросила меня:

— Ты мексиканец?
Я воспринял вопрос как издевку, но решил не отвечать из осторожности — негоже начинать посещение студии с конфликта хотя бы и с вахтером. И, смилив свой норов,

объяснил:
— Меня должны были встретить из «Шестой колонны».

— А на «Шестую колонну» заявки нет. В воскресенье снимает только «Мексиканец».

Тут же появившаяся «мексиканская» ассистентка предложила мне заработать трешницу — в масовке объекта «Цирк» был набор. Я, предприниматель позвонив по внутреннему телефону в группу Ромма и услышав длинные гудки, сдался: на меня напялили канотье, одели двухцветные штилеты, галстук-бабочку и усадили сначала в пятнадцатый, а потом в пятый ряд декорации цирка, что была построена в натуральную величину в первом самом большом павильоне студии. Сверху было очень удобно и интересно наблюдать за взаимодействиями режиссера В. Каплуновского, оператора В. Полуянова и, конечно, «звезды» тогдашнего кино Олега Стриженова. Впервые увидел, как профессиональный режиссер устанавливает композицию сцены, организует пространство в глубине кадра, состоявшее из таких, как я, и пытается наэлектризовать нас. Оратория, реагируя на удары боксеров, темпераментно, но, как выяснилось, невовремя!

Посещение «Шестой колонны» состоялось завтра (именно это завтра — понедельник — и имел в виду режиссер). Директор картины Вакар барственно выслушал

Жран и сивера

Марягин Леонид

88

ВЫ

просьбу Ромма оформить меня попрежем, пообещал попробовать, но через пару дней осекся — у меня был тогда непоправимый минус, который легко обнаружил сам Гуревич! Фигура на том «Мосфильме» всемогущая — начальник отдела труда и зарплаты. Отдела, который не обойти, не объехать. Адольф Михайлович Гуревич быстро выяснил, что у меня нет московской прописки, а с областной брать в штат, как он утверждал, запрещено. Поход к начальнику труда и зарплаты Ромма Строевой, а позже и самого А.П.Довженко эффекта не имели. Александр Петрович после неудачного визита к Гуревичу изрек:

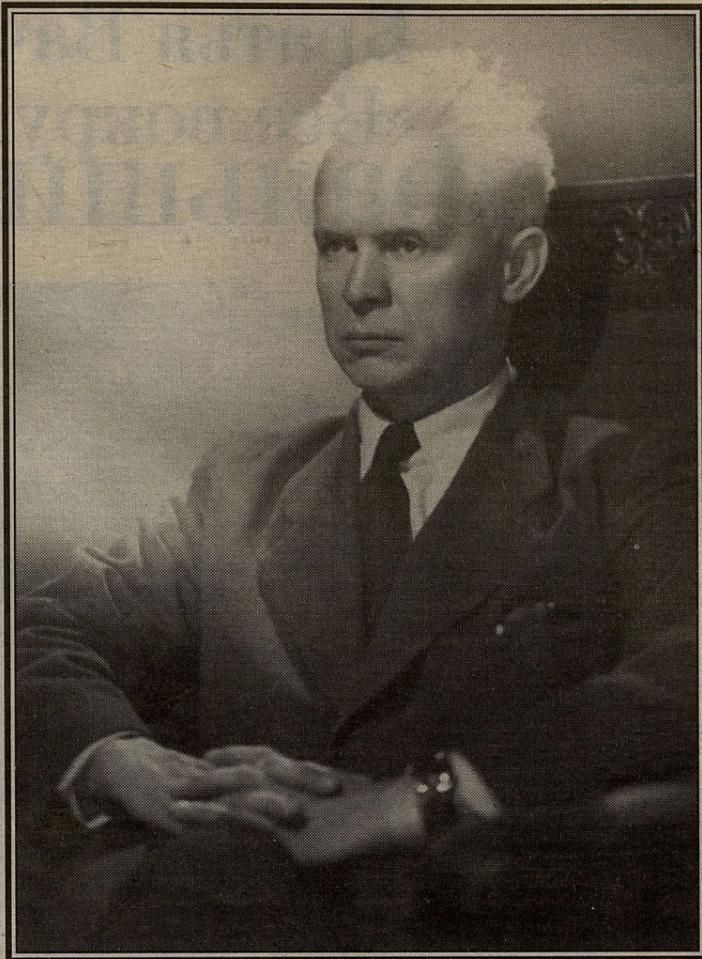
— Хорошего человека Адольфом не назовут!

Выход из ситуации нашел один из вторых режиссеров Михаила Ильича — Инденбом. Собственно, режиссером Лев Аронович не был, он был «умным евреем при губернаторе». Хотя называя его так, Ромм невольно принижал свой интеллект. Инденбом придумал: возьмем Леню актером окружения, но работать он станет попрежем. Сказано — сделано, благо договор с актером визировал не Гуревич, а начальник актерского отдела. Я с удовольствием впрягся в

работу, не ограничивая себя обязанностями попрежа, что, очевидно, не прошло мимо наблюдательного Ромма.

«Мосфильм» той поры (середина пятидесятих годов) бурлил — уже шло расширение производства после малокартинья. Запускались один за другим новые фильмы. Был организован семинар для творческих работников: лекции в малом зале широкого экрана читали Райзман, Пырьев, Герасимов, Ромм, Дзиган, Донской, Юткевич — весь цвет режиссуры той поры. На эти собрания с трудом удавалось «протыриться» и мне — до сих пор храню первые записи лекций по режиссуре. Правда, нынче они кажутся весьма наивными.

Зато совсем не наивной мне и до сих пор помнится ситуация, возникшая с исполнительницей роли Мадлен Тибо в «Убийстве на улице Данте». Ромм рассчитывал снимать свою жену — известную актрису Елену Кузьмину, но худсовет студии и Министерство не утвердили претендентку: аргумент — стара. Второй режиссер А.Столбов привез из Ленинграда только что сыгравшую в «Неоконченной повести» у Ф.Эрлмера Элину Быстрицкую. То ли от отчаяния, то ли

из-за спешки перед поездкой в экспедицию Михаил Ильич представил худсовету актрису и получил одобрение. Быстрицкая снялась во всех натуральных массовых сценах в городе Риге. Когда же группа вернулась на студию и прошли первые павильонные съемки с М.Козаковым, игравшим сына Мадлен Тибо, выяснилось, что Быстрицкая и Козаков смотрятся не как мать и сын, а как любовники. Да и драматического насыщения роли у актрисы не доставало. Но признать свой прокол Ромм не мог и нашел повод избавиться от неверно выбранной исполнительницы: актриса сказала, что заболела желтухой, съемки отменили, но назавтра ее увидели на телевидении в прямом эфире (видеозаписи тогда не существовало). Михаил Ильич провозгласил поступок актрисы, которая симулирует болезнь и оставляет простаивающую группу без зарплаты, аморальным. Он отказался дальше работать с ней. Была приглашена Е.Козырева, пробовавшаяся вместе с Е.Кузьминой, и снятая оператором Б.Волчеклом тогда максимально невыразительно, с тем, чтобы не составлять конкуренцию Кузьминой. Съемочная группа поддержала постановщика.

Ромм долго помнил поддержку. Вот один из многих примеров. «Шестая колонна», еще не переименованная в «Убийство на улице Данте», вовсю снималась, когда метр вызвал меня к себе в кабинет и попросил выполнить его просьбу. Я был готов уже носить, таскать, катать все, что он скажет. Но просьба заключалась в другом.

— Ко мне из Риги приехала девушка, которая тоже хочет стать

режиссером. Она дочь человека, очень помогавшего нам снять «Секретную миссию» — ее отец начальник рижского КГБ. Я обязан содействовать ей. Возьми мою подопечную в свою компанию, но не пугайся экстравагантной внешности.

Я пообещал. Тем не менее вписалась в нашу команду девушка — высоченная, худая, в платье с буфами, она тащилась в хвосте веселой ватаги, бродившей вечерами по Москве, но в режиссуру вошла бодро, гораздо бодрей, чем многие. Девушку звали Джеммой. Фамилия — Фирсова. Преуспела она как документалист.

«Убийство на улице Данте» благополучно вышло на экраны, а я остался за проходной «Мосфильма» и поступил маляром на стройку, но тут включились в дело образовавшиеся у меня связи: Катя Народицкая — ассистент по «Убийству» — была приглашена женой режиссера Г.Рощала В.Строевой вторым режиссером на картину «Полюшко-поле» и потянула меня за собой, зная, что подсидывать ее не смогу, да и не буду. Обязанности мне отвалили серьезные не по возрасту — в 18 лет ассистент по реквизиту, а оформили — вынужденно — актером, исполняющим роль тракториста Васи Иванова. Если честно — такой роли в сценарии не существовало. Васю Иванова насильственно вписывали в режиссерский сценарий, сочинявшийся всей группой на квартире у Рощала.

Постановщик Вера Павловна командовала домработницей, готовившей нам фирменный строевский свекольник, а мы упражняли до обеда свою коллективную фантазию. Но ежедневно неудобно

но было обедать за счет хлебосольной семьи постановщицы, и наиболее совестливые под разными деловыми предложениями уклонились от этой «домашней работы». Вера Павловна устраивала истерики и, как девочка, обижалась. У меня существовало алиби, которым я пользовался. Ассистент по реквизиту должен с утра до вечера бывать в цехах, где изготавливались щиты для снегозадержания, угольники для рыхления снега и так далее. Фильм-то был сельскохозяйственный, в чем Строева, насколько я могу судить, совсем не понимала. Когда я предупредил, что лошадей, скажем, в санном обозе скоро пора кормить, она лезла в свою сумочку, протягивала мне деньги и приказывала:

— Езжайте в магазин и купите лошадам булочек.

При установке композиции кадра двора Вера Павловна кричала в микрофон:

— Леня! Леня, скажите этому пятнистому существу и вот тому очаровательному индюку, чтобы они перешли на два метра правее!

По двору в тот момент бродили коза и гусь.

И тем не менее работа увлекала меня: как же, стал участником кинопроцесса! Правда, работе очень мешало отсутствие жилья: на свою мизерную актерскую зарплату не мог снять даже угла. Однако выход нашлся: в кабинете Строевой стоял диван, покрытый белым чехлом. Я поздно вечером приходил в кабинет, вытаскивал из шкафа режиссерские одеяло и подушку, устраивал постель, ночевал, а утром раньше всех готовил свой участок к съемке и завтракал по дешевке в массовочном буфете. На мою беду студийной охраной командовал бдительный Герой Советского Союза Муравьев, устраивавший по ночам обходы помещений. В одну из таких облав мое лежбище было обнаружено. Пришлось выпрыгивать из окна третьего этажа. Благо, что на дворе стояла очень снежная зима и сугробы сберегли от травм. Но я все равно оказался опознанным, и сам Иван Пырьев — тогдашний директор студии — очень не любивший Строеву, с удовольствием вlepил ей выговор за привлечение к ассистентской работе нештатного сотрудника. А меня распорядился не пускать на территорию кинофабрики.

«Полюшко-поле» умчалось в летнюю экспедицию, и быть бы мне без кино, если бы в группе А.П. Довженко «Поэма о море» не понадобилось «тягло» по реквизиту в моем обличии. Не нужно думать, что желающих трудиться на Довженко являлось тьма — уж больно высокой была требовательность корифея. Довженко преодолел пырьевский запрет и поручил разработать полностью объект «Похороны скифского царя». При этом я вторгся даже на соседнюю территорию: не только бытовой и ритуальный реквизит, оружие, упряжь и украшения были под «моей рукой», но и скифские костюмы. Зарывшись в фонды Исторического музея, выудил оттуда все необходимые материалы и с трепетом предъявлял их Довженко, который, как казалось, воспринимал эти старания с одобрением.

Но много в «Поэме о море» не нарабатал — снова оказался за порогом «Мосфильма». Призвали на флот. Серым туманным днем драил палубу в учебном отряде под Таллином. Надо мной возник главстаршина Буркацкий и протянул газету с портретом Александра Петровича в траурной рамке:

— Ты о нем так хорошо говорил!

- Из семейного альбома
- А.П.Довженко
- На съемках у М.И.Ромма (Л.Марьягин — слева)

Экран и сцена —